

УДК 82

**ПИСАТЕЛЬНИЦА, КОТОРАЯ ПРЕДСТАВЛЯЛА
САМУ СЕБЯ**

© **Титова Ольга Ростиславовна** (2024), Эстония, независимый исследователь, olgaist575@gmail.com

Статья открывает блок материалов, посвященных юбилею Гоар Маркосян-Каспер (1949–2015). Характеризуются основные вехи творческой биографии писательницы, приводятся сведения об основных прототипах героев ее прозы, дается сопоставление созданных ею текстов с произведениями мировой литературы («Одиссея» Гомера, «Улисс» Джеймса Джойса, «Пена дней» Бориса Виана и т.д.). Кроме того, статья содержит обзор докладов, прозвучавших 16 марта 2018 года на чтениях памяти Гоар Маркосян-Каспер, состоявшихся в Таллиннском университете.

Ключевые слова: Гоар Маркосян-Каспер, Гомер, Джойс, русскоязычная литература Армении и Эстонии.

В середине июля в Эстонии отмечается юбилей Гоар Маркосян-Каспер – прозаика и поэтессы армянского происхождения. Ее жизнь была тесно связана с Эстонией, а становление как писателя – с русским языком. Такая необычная судьба в сочетании с блестящим интеллектом писательницы обеспечила ей большой успех и в России, и во многих странах Европы. 14 июля 2024 года Гоар Маркосян-Каспер могло бы исполниться 75 лет.

Гоар Маркосян родилась в Ереване в 1949 году в семье артистов театра оперы и балета. Имя Гоар на персидском и армянском означает «драгоценный камень» (գնահար). Отец Гоар Карлос Маркосян был оперным певцом, басом, а мать Виолетта Торосян – балериной. Кроме Гоар, в семье росла младшая дочь Асмик, сестры были очень дружны.

Атмосфера дома была высокоинтеллектуальной. С детства девочки привыкли слышать вокруг себя классическую музыку и напевать известные арии, а еще отец семейства был страстным библиофилом. В доме была прекрасная библиотека, причем на русском языке, на котором учились и дочери.

С наследием мировой культуры сестры Маркосян познакомились на русском языке. При всей любви к искусству на театральную сцену они не пошли. Асмик стала балетоведом, автором восьми книг о балете, много лет работала директором Ереванского хореографического училища. Гоар закончила Ереванский медицинский институт, затем защитила кандидатскую диссертацию в Сочинском научно-исследовательском институте курортологии и физиотерапии. В Ереване она руководила отделением рефлексотерапии в крупном институте реабилитации.

Первые стихи Гоар написала в 60-е годы на русском языке. Напечататься на нем тогда в Армении было непросто. Существовал всего один толстый журнал «Литературная Армения». На родине Гоар Маркосян издала один маленький сборник стихов «Недостроенный замок мой», который теперь стал библиографической редкостью. Ироничность и высокая культура речи из стихов, которые Гоар Маркосян-Каспер писала только до 1990 года, перешли потом в ее прозу.

Трудно сказать, почему эта красивая и эффектная женщина не нашла себе пары на родине – возможно, тому причиной ее взыскательный вкус, интеллект, выведивший ее за рамки традиционного армянского стиля жизни. Противоречивые чувства, которые Гоар Маркосян испытывала к своей родине, она выразила в стихотворении «Армения», написанном в 1977 году.

...Что мне Армения?

Сиж у моря,
Прохладное
Покрывало неба
На плечи обожженные набросив,
Упиваюсь буйными красками заката...

Что мне Армения?

Отталкиваюсь от нее,
К Аполлинеру чутким ухом приникаю,
Слезу заветную, годами сберегаемую,
В роденовском роняю зале,
Колени преклоняю перед Маяковским...

Что мне Армения?

Армянского во мне
Лишь безумство
Моих обугленных волос,
Лишь глаз моих печаль ночная,
Нажитая
За тысячелетия...

Что мне Армения?

Армения...

Но что меня толкает
В пожар хачатуряновских мелодий?
... Пылают перекрытия,
Стены рушатся,
И кровь освобожденная
Голос подает...

Армения –
Ты здесь.
Ты прорастаешь сквозь меня стихами –
Побегами от корня исполинского,
Ворочающегося в чреве наших гор...

Армения... [Маркосян-Каспер, 2017, 41].

Сложилось так, что талант Гоар Маркосян полностью раскрылся не в Армении, а в Эстонии, хотя армянская тема всегда оставалась в ее творчестве. Для того чтобы замыслы были реализованы, необходима была особая встреча. И она случилась осенью 1989 года. Писателя Калле Каспера пригласил погостить в Ереван его соученик по Высшим курсам сценаристов и режиссеров – Руслан Сагабалиян. Калле недавно пережил развод. Руслан вроде бы шутя начал знакомить друга с армянками. Однажды их пригласила в гости Гоар Маркосян. В течение зимы Гоар и Калле переписывались, а следующей осенью Калле поехал в Армению снова, после чего повез Гоар в небольшое путешествие по южной Эстонии.

В 1991 году Калле и Гоар поженились, и она переехала в Таллинн. Пришлось начинать жизнь заново. Гоар хотела и в Эстонии получить работу врача: изучила эстонский, устроилась в кооператив, где

вначале хорошо зарабатывала. Но после обретения Эстонией независимости в августе 1991 года все закончилось. Специальность Гоар – иглотерапию – мало ценили тогда в Эстонии. Чтобы открыть свой кабинет, нужно быть деловыми людьми, а по словам Калле, они с Гоар были «совсем не деловые». Хотя, судя по количеству написанного и изданного Гоар Маркосян-Каспер в Таллинне, работоспособность у нее была огромная. За своим крошечным столиком с компьютером в гостиной она написала семь романов, научно-фантастическую эпопею в шести томах и множество повестей и рассказов.

Первая же книга Гоар Маркосян-Каспер – «Пенелопа» – принесла ей серьезный успех. В 1998 году роман впервые появился на страницах петербургского журнала «Звезда», который читали тогда на всей территории бывшего СССР, а в 2001 году вышел в Москве, в издательстве АСТ. Повествование завораживает с первых строк.

«Пенелопу разбудил солнечный луч, зеленовато-золотистый и теплый, как дыни, наваленные пахучей горой на исколотом каблучками августовском асфальте. Она осторожно дотронулась до луча пальцем. На податливой, чуть шершавой поверхности осталась вмятина, и это означало, что луч Пенелопе приснился. Он мог и не присниться, поскольку утро в самом деле было солнечным, и в то же время не мог не присниться, потому что вот уже две недели, покинув свою похолодавшую сверх меры комнатуху, по сути, переименованную в таковую веранду с большими окнами и маленьким радиатором (какой теперь радиатор, о Пенелопа!), она спала в гостиной, куда солнце не дотягивалось, но зато просачивалась из кухни некая толика тепла. Впрочем, и той было явно недостаточно, почему и проснувшись невеселым солнечным утром какого-то там декабря одна тысяча девятьсот девяносто четвер... лучше, пожалуй, сказать, безрадостным солнечным утром ... итак, проснувшись, Пенелопа выставила из-под одеяла озябший носик. Смотри, как изящно может звучать грубый предмет вроде немалой величины и не самых тонких очертаний армянского носа...» [Маркосян-Каспер 2017а, 5].

В романе множество литературных аллюзий, но главные произведения мировой классики, которые нельзя не вспомнить, читая «Пенелопу», – это «Одиссея» Гомера и «Улисс» Джеймса Джойса. Гомера героиня часто вспоминает, тем более что она названа именем жены Одиссея. Армяне любят экзотические имена, в том числе и мифологические. В связи с этим в книге есть забавная история. У отца

героини (которого зовут королевским именем Генрих) была ученица, ее брата звали Гомером. Иногда он встречал сестру с уроков, а порой она говорила, что Гомер занят. Папа Генрих спрашивал: «Илиаду пишет?», на что девушка испуганно отвечала, что, мол, в гараже работает.

А с «Улиссом» здесь прямая связь: как и у Джойса, описан только один день из жизни героини. Возможно, когда-нибудь в Армении учредят «День Пенелопы», как в Ирландии отмечают «День Блума». В «Улиссе» есть антипод Пенелопы – Молли Блум, которая ведет себя противоположно прототипу: изменяет мужу. В «Пенелопе» есть «Одиссей», есть и «жених» (о них чуть позже).

Героиня, армянская девушка, целый день ездит по Еревану середины девяностых. Это было время экономической блокады: в городе по часам давали электричество и воду, продукты продавались по талонам, и жители питались в основном отварной картошкой и домашними овощными консервами. Пенелопа ищет, у кого из друзей-знакомых можно помыться. В процессе этой мини-одиссеи (обыгранной именем героини, в жилах которой есть капля греческой крови) читатель знакомится с огромным и разносторонним Ереваном – как историческим центром с домами из розового туфа и фоном в виде вечной горы Арарат, так и панельными пятиэтажками, жить в которых тогда было несладко. Однако внутренний монолог героини, составляющий основу романа, по тональности бодрый и ироничный.

Прототипом Пенелопы в романе стала сестра Гоар Маркосян-Каспер – Асмик. А себя, именуемую в романе Анук (на самом деле Анаит, поправляет мама, но Пенелопа, которой тесно в пределах армянского мира, хочет называть сестру, как в французском кино) писательница изобразила как бы на периферии. Анук – сестра Пенелопы, живущая с мужем в Москве. Прием эпохи Ренессанса, в котором художник на краю полотна изображает себя, позволяет автору занять позицию наблюдателя и все же подробно рассказать об атмосфере в родительском доме, о своем детстве, об армянском быте, традициях и национальном характере и, конечно, о влиянии русского языка на свое творчество.

Кроме сестры Анук, подружки Маргуши, врача по профессии, которая, когда в квартире отключают воду, печет пирожные на продажу, и целой галереи соседок и родственников, есть в романе и мужские образы. Это два поклонника главной героини. Армен (символизирую-

щий Одиссея) – хирург, по-своему героическая личность, оперирующий в горячей точке – Нагорном Карабахе. Пока другие проводят митинги на Театральной площади, он спасает жизни, сам получая травму руки и прозвище «лекарь-калекарь». Армен – хороший человек, но по своей занятости почти постоянно отсутствует. Он привозит любимой скромные подарки: фотоаппарат китайского производства, чтобы ее же и снимать, и бусы из хризопраса – красивого, но полудрагоценного камня. Второй ухажер, если следовать Гомеру, «жених», которого героиня называет «Эдгар-Гарегин» (одного армянского имени ей явно мало), изображен в почти комическом ключе. Он бизнесмен, «король сантехники», пользующийся арендованным самолетом, готовый подарить Пенелопе красивую жизнь. Эдгар угощает девушку изысканным обедом в ресторане в полуголом перестроечном Ереване. Делает ей предложение, хотя вроде бы женат. Да что ресторан, возможность ежедневно купаться без тазиков и бойлеров для Еревана девяностых уже рай, «нирванна», как шутит Пенелопа. Однако Эдгар не читает книжек и, обосновавшись в Калининграде, историческом Кёнигсберге, не знает, кто такой Иммануил Кант.

В романе, как на сцене, проходит череда персонажей, которые знакомят читателя с Ереваном так ощутимо, словно он там побывал сам. Всего одна цитата – и город как на ладони: «Армяне вообще народ театральный, шекспировская формула им абсолютно впору, недаром они так любят ее автора, иной раз и удивишься про себя, вспомнив, что драматург номер один ... всех времен и народов армянином не был ни дня, шекспировский театр сродни армянскому жизнеощущению, шекспировский театр, а может, и греческая трагедия, может, есть некий намек, некая смутная аллюзия в том, как расположен Ереван – центральной своей частью в котловине, от которой поднимается уступами по склонам гор наподобие гигантского античного амфитеатра, оставляя внизу колоссальную сцену...» [Маркосян-Каспер 2017а, 23].

Роман имел большой успех и в России, и в Европе. В 2007 году последовало продолжение – «Пенелопа пускается в путь» – эпопея о судьбе перестроечной волны постсоветской эмиграции. Героиня едет в Париж к подруге, заезжая по дороге в Москву к сестре и в Берлин к знакомой. Книга была отмечена международной премией имени Юрия Долгорукова, как лучший роман на русском языке, написанный в балтийских странах.

По словам литературоведа Венеры Аветисян, роман «Пенелопа» открывает античный цикл Гоар Маркосян-Каспер. В книгах этого цикла любовь автора к древней Греции раскрывается разными гранями. В романе «Елена» рассказ о судьбе женщины из Армении, вышедшей замуж за эстонца и переехавшей в Таллинн, чередуется с главами об ее античной тезке. Роман «Кариатиды», удостоенный премии Эстонского фонда «Капитал культуры» (2005), раскрывает тему любовного треугольника: две женщины, один мужчина, и неожиданный финал. В романе «В Микенах, златом обильных» автор придумывает свой вариант античного мифа.

Фантазия писательницы не знала границ, а ее эрудиция позволяла читателю явственно видеть далекие эпохи, словно с помощью машины времени. Гоар Маркосян-Каспер издала также цикл фантастических повестей «Четвертая Бет», роман «Евангелие от Марка. Версия вторая», сборник «Париж был так прекрасен...» (Таллинн, Solo, 2015), включающий одноименный роман-антиутопию и несколько повестей и рассказов в жанре, названном автором «магическим реализмом». Роман «Париж был так прекрасен...» был выдвинут редакцией журнала «Звезда» на соискание премии «Русский Букер». Это небольшое по объему произведение – все-таки именно роман, а не повесть. Действие происходит в недалеком будущем, в центре сюжета – любовь молодого скульптора Ива и его музы, девушки-сироты Доры, переживающих непростые ситуации в Париже, где власть захватило промусульманское правительство, на поводу у которого пошли французы, а ценность настоящего искусства сведена к нулю.

Примечательна повесть «Кармела», героиня которой – художница, обладающая даром оживлять свои картины. Похоже, в этой повести предсказана реставрация Таллиннского собора Александра Невского. Прежде чем храм и в самом деле преобразился и засверкал разными красками, это произошло в повести Гоар Маркосян-Каспер. Таким же образом героиня повести преображает хорошо известный автору (ибо она жила поблизости) участок Тартуского шоссе в Таллинне – наделив его «причудливыми башенками, крохотными висячими балкончиками, отделкой фасадов, то выложенных узорами из керамических плиток, то расписанных растительными орнаментами, одним словом, эстонский югенд, не что-нибудь...» [Маркосян-Каспер 2015, 168]. Гоар Маркосян-Каспер доказала, что литература может преображать реальность почти в той же степени, что и реальность – влиять на литературу.

Во Франции творчество Маркосян-Каспер имело особый успех, на литературном фестивале в Лионе ей задали вопрос: «Вы армянка, живете в Эстонии, а пишете по-русски. Какую литературу вы в итоге представляете?» Писательница ответила: «Я представляю саму себя». Это очень понравилось публике.

Переводы «Пенелопы» принесли Гоар Маркосян-Каспер европейскую известность и неплохие гонорары. Когда с деньгами стало полегче, супруги Каспер начали путешествовать. Это были поездки «эконом-класса»: они старались снять квартиру подешевле, брали в дорогу еду, Гоар всегда сама готовила обед. В одном только они себе не отказывали – в знакомстве с искусством и впечатлениях, которые для писателя не роскошь, а необходимость. Калле Каспер вспоминает: «Когда мы впервые оказались в Италии, то поняли, что это – наша духовная родина, она нужна как воздух каждому творческому человеку. С тех пор мы почти только в Италию и ездили, посетили больше 60 городов».

Еще одной большой страстью супругов была опера. Гоар и Калле вместе написали три книги кратких либретто опер Джоаккино Россини, Джузеппе Верди и Винченцо Беллини, изданных потом в петербургском издательстве «Композитор». Этому помогли впечатления, полученные в Италии.

В конце 2009 года у Гоар обнаружили онкологическое заболевание. Искали всевозможные способы лечения. Назначенный врачом курс привел к довольно стойкой ремиссии, они выиграли у судьбы несколько лет. Об этом писательница рассказала в романе «Memento mori», удостоенном в 2015 году премии Эстонского фонда «Капитал культуры».

Не менее важной терапией были искусство, чтение и – последнее путешествие в Италию.

«Итальянское чудо во многом создала его раздробленность, каждый город в Италии прекрасен и каждый прекрасен по-своему. Они поняли это, когда за Римом последовала Флоренция, за Флоренцией Венеция... Верона, Неаполь, Генуя... Парма, Пиза, Бергамо... И в любой из увиденных городов хотелось вернуться» [Маркосян-Каспер 2018, 121].

В 2013 году болезнь вновь дала о себе знать. В свое последнее путешествие супруги Каспер отправились в августе 2015 года. Калле

нашел клинику в Барселоне, где проводили экспериментальное лечение. К сожалению, это не помогло. Гоар Маркосян-Каспер скончалась в барселонской клинике 10 сентября 2015 года.

Согласно воле Гоар Маркосян-Каспер муж и сестра развеяли ее прах над Каналом Гранде в ее любимой Венеции.

О творчестве Гоар Маркосян-Каспер написаны серьезные литературоведческие исследования [Шульженко 2017]. Готова к защите диссертация «Этнокультурный дискурс в поэтике Гоар Маркосян-Каспер» литературоведа из Армении Венеры Аветисян. В нем она исследует роман «Пенелопа» в контексте первой волны русского постмодернизма, отслеживает интертекстуальные связи романов «Пена дней» Бориса Виана и «Пенелопа», а также шекспировские аллюзии в романе «Пенелопа».

16 марта 2018 года в Таллиннском университете прошли чтения памяти Гоар Маркосян-Каспер. В них приняли участие профессор русской литературы Таллиннского университета Ирина Белобровцева, литературный критик Максим Артемьев (Москва), писатели Андрей Арьев и Андрей Столяров (Санкт-Петербург), профессор Санкт-Петербургского университета Игорь Сухих, сестра писательницы Асмик Маркосян, литературовед Венера Аветисян (Ереван) и Калле Каспер. Доклады изданы в сборнике, выпущенном Таллиннским университетом [Чтения 2018]. Поскольку в докладах есть интересные литературоведческие идеи, приведем здесь их основные тезисы.

Ирина Белобровцева в докладе «Писатель и писательница Гоар» размышляет об особенностях женской прозы в литературе вообще и в творчестве Гоар Маркосян-Каспер в частности. Профессор Белобровцева находит, что, хотя стратагема (система тактических приемов) Маркосян-Каспер – это, безусловно, портрет женщины, в целом «в своем обращении к проблеме „мужчина – женщина“ Гоар остается *над* банальной бинарной оппозицией, играя с ней, а порой просто игнорируя ее». Ирина Белобровцева отмечает интересный момент в романе «Пенелопа пускается в путь». О семейной жизни Анук и Ника (сестры и зятя Пенелопы) автор рассказывает посредством иронических комментариев главной героини: «Семейка просто конец света. Парочка интеллектуальных снобов», «два сапога пара, оба ленивцы, лодыри, дрыхнут до десяти утра, до часу завтракают, весь день лежат с книжками, от чтения отрываются только, чтобы лишний раз поцеловаться да посюсюкать». Гоар Маркосян-Каспер удалось рас-

сказать о глубоком чувстве, связывающем героев, не впадая в сентиментальность, используя взгляд со стороны как литературный прием. В результате, делает вывод Белобровцева, из романа вырастает модель мира, построенная не на оппозиции «мужчина – женщина», «а на единосущности составляющих эту модель частей». Еще больше эта единосущность проявлена в последнем романе Гоар Маркосян-Каспер „Memento mori”. Образы его героев Марго и Михкеля, по мнению Калле Каспера, задуманы как эстонский вариант Мастера и Маргариты. Как замечает Ирина Белобровцева, в романе „Memento mori” Гоар Маркосян-Каспер создает двойной автопортрет, в котором герои предстают как единое целое.

О мужском и женском началах в прозе Маркосян-Каспер рассуждает и **Максим Артемьев** в докладе «Межкультурное взаимодействие в творчестве Г. Маркосян-Каспер». Артемьев анализирует роман «Елена», находя в нем яркие характеристики как армянского, так и эстонского социума. Как и «Пенелопа», «Елена» является мини-энциклопедией армянской жизни и быта. Из романа можно узнать об Армении все: «как выходят замуж, зачем девушки учатся в институтах, когда нужно заводить первого ребенка, свадьба и приданое, развод, сексуальность», что любят читать девушки и чем занимаются в свободное время мужчины. Но это рассказано для того, чтобы показать контраст двух культур – армянской, в которой воспитывалась героиня романа, и эстонской, в которую она попадает после брака с эстонцем Олевом. И хотя героине не удалось стать своей в эстонском обществе, причем ни для эстонцев, ни для русских (*«В сущности, она оказалась вдвойне чужой, если эстонцы и русские, испытывая друг к другу достаточно сложные чувства в диапазоне от холодного безразличия до неприязни и даже кипучей ненависти, отстраняясь и образовывая две почти не соприкасавшиеся общины, в пределах этих общин были своими среди своих, то Елена была чужой всем. Русским не меньше, чем эстонцам»*)), по мнению исследователя, процесс признания таланта Гоар Маркосян-Каспер в Эстонии «уже завершен. Она нашла свое достойное место в культуре трех народов – армянского, эстонского и русского».

Петербургский писатель **Андрей Арьев** посвятил свой доклад роману «Париж был так прекрасен...» Арьев находит, что герой романа, скульптор Ив Легран, по примеру Ницше полемизирует с христианской этикой, подвергая сомнению идею любви к ближнему: «с

помощью словес о „любви к ближнему“ люди „до сих пор лгали и лицемерили больше всего“...»

Действительно, скептическое отношение к христианской этике Гоар Маркосян-Каспер выражала не раз, взять хотя бы ее «Евангелие от Марка» или «Memento mori», где о героине сказано: *«Марго тоже не очень любила женщин, как, впрочем, и мужчин, не кого-то конкретно, а в целом, ибо, положив руку на сердце, она не любила людей. Не всех, к кое-кому она относилась достаточно тепло, к некоторым нежно, к одному еще более того... Наверно, точнее было бы сказать, что ей не нравился человек, эксперимент по его созданию ей представлялся неудавшимся, если не провальным»*. Писательнице ближе формула, выраженная Иосифом Бродским: «Я любил немногих. Однако сильно».

Сформулированную Ницше «этику любви к дальнему», по мнению Андрея Арьева, можно найти и в «Пенелопе». А о герое романа «Париж был так прекрасен» Арьев пишет, что Легран вопреки своим убеждениям обретает личное счастье: «его душевная привязанность к героине романа кардинально противоречит его „ницшеанству“». Важен также вывод писателя, что силы зла в романе Маркосян-Каспер, хотя и имеют обличие мусульманской экспансии, направлены не против конфессий, а против великой европейской культуры. Главный тезис романа, по мнению Андрея Арьева, защита этой культуры, которая для автора – святая святых.

Доклад другого петербургского писателя, **Андрея Столярова**, посвящен жанровой симфонии в творчестве Гоар Маркосян-Каспер. Столяров характеризует Маркосян-Каспер как прозаика, пишущего стихи. Среди направлений, в которых работала писательница, докладчик выделяет и реалистическую, и мифологическую, и фантастическую прозу. На примере романов «Евангелие от Марка. Версия вторая» и «Париж был так прекрасен...» исследователь отмечает, что, несмотря на спорность идеи об альтернативных версиях истории, писательница ставит очень важные вопросы: о подлинной роли христианства в европейской и мировой истории и о судьбе европейской культуры в современном мире.

Профессор **Игорь Сухих** в докладе «Что читала Пенелопа» анализирует круг чтения героини, сказавшей о себе: «У тебя, Пенелопа, не голова, а цитатник какой-то». Как отмечает профессор, этот цитатник огромен: «В странный стройный ряд выстраиваются в „Пенелопе“ „Одиссея“ и детские скороговорки, детективы и фантастика, С.

Есенин и пародист А. Иванов, оперные арии и мыльные телеоперы, апории Зенона и советская песенная эстрада, Кант и армянские поэты-классики».

А еще Игорь Сухих делится маленьким литературоведческим открытием: оказывается, в диалоге с незадачливым поклонником Эдгаром-Гарегинином Пенелопа цитирует ему... стихи самой Гоар: «Пустынна степь, покоен воздух, недалеко до гор громоздких, где скроюсь я от произвола твоих всеильных губ и рук». По выводу профессора И. Сухих, роман «Пенелопа» обращен к редкой ныне породе людей – homo legens, человеку читающему, который вряд ли исчезнет, пока существует сама литература.

Сестра Гоар Маркосян-Каспер **Асник Маркосян** делится мыслью, что Гоар «удалось создать некий собирательный образ армянской интеллигентки позднесоветской и постсоветской эпохи». Она вспоминает, какое семейное воспитание получили они с сестрой, какие ценности для них были важны с юности, из какой среды вышли все прототипы героинь Гоар.

Хотя прототипам не всегда приятно находить свои черты в литературных героях, сестра писательницы выражает ей благодарность: «Она увековечила нашу сумбурную молодость...»

Венера Аветисян в своем докладе анализирует три романа из «античного цикла» Гоар Маркосян-Каспер («Пенелопа», «Елена» и «Кариатиды») с точки зрения этнокультурного дискурса. По мнению исследовательницы, постсоветский миф, который творит писательница на базе трех близких ей культур (армянской, русской и общеевропейской) «корнями уходит в античность». Всех героинь объединяет приверженность к культурным ценностям, все они находятся так или иначе в поисках нового Ренессанса. Венера Аветисян тонко замечает, что «идея превращать боль / руины в созидательный импульс пронизывает все творчество Маркосян-Каспер». В этом смысле и Пенелопа, странствующая по Еревану без света и газа в период блокады, и «кариатиды» – армянки, оставшиеся на родине, когда их мужья уехали на заработки, и Елена, которая «согласна на троянскую войну, если потом будет Гомер», – это не жертвы времени, а хранительницы вечных культурных ценностей.

Калле Каспер в финальной статье сборника рассказывает об истории и трудностях перевода *opus magnum* его супруги – романа «Пенелопа». Который, хотя Калле Каспер признает его в принципе непе-

реводимым, тем не менее переведен на 6 языков: голландский (Контакт, 2001, пер. Ааи Принс), французский («Бельфонд», 2002, пер. Любы Юргенсон), немецкий («Ровольт-Берлин», 2002, пер. Габриэле Леупольда), испанский («Сируэла», 2003, пер. Виктора Андреско), армянский («Антарес», 2016, пер. Каринэ Ходикян) и итальянский (GoWare, 2022, пер. Мирко Галленци). Добавим, что в настоящее время американская переводчица Маргарит Ордуханян работает над переводом романа на английский язык.

По мнению Калле Каспера, роман «Пенелопа» ставит потенциального переводчика перед особым вызовом: нужен высокий уровень не только навыков, но и литературного, даже поэтического таланта. Так как в «Пенелопе», кроме главной героини, имеет место еще один герой – русский язык. Перечислим особенности прозы Маркосян-Каспер, отмеченные ее мужем и коллегой.

– **Манипулирование именами** – причем ассоциации самые разные. Гастрономические: *Пене-лопа – Кремо-лопа, Наполеон – Шампиньон – Эклер*; географические: *в Пелопонессе наверняка полно Пенелоп, не Пелопонесс, а Пенелопонесс; приехали в благословенную Аризону, Алабаму, словом, то ли в зону, то ли на БАМ...»; просто звуковые: Пенелопа пыталась затыкать свои пене-лопавшиеся уши ватой, но толку не было никакого ... Кончилось тем, что пене-лопнуло ее терпение...»*

– **Устойчивые обороты и борьба автора с их инерцией.**

– **Омофоны и омонимы.**

– **Двоякие значения, каламбуры** (душ – обычный предмет в современных домах, только не в блокадном Ереване – душелюб – тот, кто любит мыться под душем – душегуб – тот, кто портит души, то есть буквально рвет шланги и выламывает краны; поп-музыкант – можно прочесть как «музыкант, работающий в поп-жанре», и «священник-музыкант»).

– **Приемы, характерные скорее для поэзии, чем для прозы.**

– **Игра с суффиксами** (*«элита общества... ныне, скорее, элита толпы... элита города, элита улицы, элита дома, элита подъезда... Элита, элитка, элитиска...»*).

Наконец, **синтез** всех вышеперечисленных элементов в «потоке сознания» делает задачу переводчика почти безнадежной: ему придется сочинить собственный текст. Калле Каспер делает два вывода. Первый: в тексте Гоар Маркосян-Каспер, кроме сюжета, существует

еще одна канва повествования, не менее важная, чем сам сюжет. Каспер называет ее «общение с языком». Это «переход от мысли к мысли по языковым ассоциациям. Такой вид повествования, в какой-то мере разработанный во французской литературе (Борис Виан, Раймон Кено), представляется новаторским в литературе русской». Второй: изобилие поэтических приемов («борьба» с устойчивыми оборотами, аллитерации, созвучия, творческое применение префиксов и суффиксов) позволяет называть роман «Пенелопа» поэтическим произведением. «В сущности, он, как стихи, непереволим», – заключает Калле Каспер.

Однако, как говорил крупнейший переводчик эстонской поэзии на русский язык Светлан Семененко, поэтический перевод – всегда на грани невозможного и всегда чудо и исключение.

В заключение, вернувшись к значению имени Гоар Маркосян-Каспер (кстати, сопоставимому с европейским «Маргарита»¹), хочется выразить уверенность, что ее талант, подобно редкому драгоценному камню, засверкал на эстонской земле, а ее творчество прочно вписано в контекст как русской, так и европейской литературы и культуры.

Таллинн, ноябрь 2023 – апрель 2024

Благодарю Калле Каспера за книги, помощь и вдохновение – всем этим он щедро делился со мной во время работы над эссе.

Источники

Маркосян-Каспер 2015 – Маркосян-Каспер Г. *Париж был так прекрасен...* Таллинн, 2015.

Маркосян-Каспер 2017 – Маркосян-Каспер Г. *Родилась я черной пантерой. Стихотворения 1968–1990 годов.* СПб., 2017.

Маркосян-Каспер 2017а – Маркосян-Каспер Г. *Пенелопа.* СПб., 2017.

Маркосян-Каспер, Калле Каспер 2018 – Каспер Г., Каспер К. *Чудо.* М., 2018.

Литература

Чтения 2018 – *Чтения памяти Гоар Маркосян-Каспер 16 марта 2018 г.* Сборник докладов. Таллинн, 2018.

Шульженко 2017 – Шульженко В.И. *Литература как феномен культуры пограничья* // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. Чита, 2017. С. 146–150.

¹ Маргарита – жемчужина (на греческом).

A WRITER WHO REPRESENTED HERSELF

© **Titova Olga Rostislavovna** (2024), Estonia, independent researcher, olgaist575@gmail.com

The article opens a block of materials dedicated to the anniversary of Gohar Markosian-Kasper (1949–2015). The article characterises main milestones of the writer's creative biography, provides information about the main prototypes of the heroes of her prose, gives a comparison of the texts she created with works of world literature (Homer's "Odyssey", James Joyce's "Ulysses", Boris Vian's "Foam of Days", etc.). In addition, it contains an overview of the reports presented on March 16, 2018 at readings in memory of Gohar Markosian-Kasper, held at Tallinn University.

Keywords: Gohar Markosian-Kasper, Homer, Joyce, Russian-language literature of Armenia and Estonia.

Поступила в редакцию 16.04.2024